





Лев Лурье



# ПЕТЕРБУРГ ДОСТОЕВСКОГО

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

*анкт-Петербург*  
*« -Петербург»*  
2012

УДК 379.8  
ББК 26.89  
Л86

**Лурье Л. Я.**

Л86 Петербург Достоевского. Исторический путеводитель. — СПб.: БХВ-Петербург, 2012. — 352 с.: ил.

ISBN 978-5-9775-0748-6

Путеводитель знакомит читателя с Петербургом Достоевского: историческими районами города, где с 1837-го по 1881 годы жил писатель и где проживали герои почти всех его романов. Путеводитель состоит из 5 маршрутов, каждый из которых рассчитан на 2–3-часовую пешеходную экскурсию.

*Для широкого круга читателей*

УДК 379.8  
ББК 26.89

**Группа подготовки издания:**

Главный редактор	<i>Екатерина Кондукова</i>
Зам. главного редактора	<i>Екатерина Трубей</i>
Зав. редакцией	<i>Елена Васильева</i>
Редактор	<i>Ирина Латыпова</i>
Компьютерная верстка	<i>Людмила Чесноковой</i>
Корректор	<i>Екатерина Васильева</i>
Дизайн обложки	<i>Марины Дамбиевой</i>
Фото	<i>Кирилла Сергеева</i>

Подписано в печать 27.04.12.

Формат 84x108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж 5000 (1 — 3000) экз. Заказ №

«БХВ-Петербург», 190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

Первая Академическая типография «Наука»  
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28

ISBN 978-5-9775-0748-6

© Лурье Л. Я., 2012

© Оформление, издательство «БХВ-Петербург», 2012

# ОГЛАВЛЕНИЕ

<b>Предумышленный город .....</b>	<b>6</b>
<b>Маршрут 1</b>	
Город, который не любил Достоевский.....	<b>36</b>
<b>Маршрут 2</b>	
От замка к крепости.....	<b>98</b>
<b>Маршрут 3</b>	
С Раскольниковым по окрестностям Сенной .....	<b>180</b>
<b>Маршрут 4</b>	
Последнее десятилетие (по обе стороны Невского) .....	<b>250</b>
<b>Маршрут 5</b>	
Память о Достоевском.....	<b>326</b>
<b>Пообедать в Петербурге Достоевского.....</b>	<b>346</b>
<b>За покупками в Петербург Достоевского .....</b>	<b>350</b>

# ПРЕДУМЫШЛЕННЫЙ ГОРОД



Достоевский называл Петербург «самым предумышленным городом в мире». Действительно, трудно назвать другой большой европейский город, который в той же степени, что столица Российской империи, возник бы не из потребностей общества, а как прихоть главы государства, не считающегося с подданными.

Место в устье Невы, где построен город, принадлежало русским с IX века — времени, когда легендарные братья-норманны Рюрик, Синеус и Трувор создали Русь. За 800 лет ни киевляне, ни новгородцы, ни москвичи, которым последовательно принадлежала нельская дельта, не решались построить на «мшистых, топких берегах», вдали от населенных пунктов, в местности, заливаемой водой при сколько-нибудь сильном ветре с Балтики, порт или крепость. И шведские Ландскрона и Ниеншанц, и русский Орешек строились много восточнее нельской дельты: первые — при впадении в Неву реки Охты, Орешек — в истоке Невы, у Ладожского озера.

Вольтер писал: Петербург построен на «мочке уха» России; Карл Маркс называл его «эксцентрической» столицей. Петербург — самый северный из крупных городов и самый крупный из северных городов мира. Шестидесятая параллель, на которой он стоит, проходит через Гренландию, Аляску (город Анкоридж), Магадан и столицу Норвегии Осло. Один из главных туристских соблазнов здесь — белые ночи.

Москва, Париж, Лондон — центры агломераций. При подъезде к ним на поезде или машине ощутимо возрастает число и величина населенных пунктов. Сельщина плавно переходит в предместья. Петербург вырастает как одинокий замок — ниоткуда. Лебеда, осока, болота и вдруг — Сортировочная, Обводный канал, Московский вокзал — приехали.

Для Петра Великого не существовало препятствий. Царь, собственноручно рубивший головы стрельцам и запытавший родного сына, построил новую столицу на краю державы, в приполярной тундре, заливаемой водой.

Словами Пушкина:

О, мощный властелин Судьбы!  
Не так ли ты над самой бездной,  
На высоте уздой железной  
Россию поднял на дыбы?

Петербург не просто стал столицей, созданной царем всея Руси, но и городом, который демонстрировал миру всю мощь великого восточноевропейского государства. Санкт-Петербург изначально был не столько местом для обитания горожан, сколько

художественным жестом, политическим заявлением, авангардным артефактом, полностью разрывающимся с национальной традицией.

Петр строил его с чистого листа как Северную Венецию или Восточный Амстердам по заранее выработанному, строго соблюдавшемуся плану. Строительная площадка превратилась в огромную каторжную тюрьму. Десятки тысяч солдат, заключенных, военнопленных, крепостных крестьян замостили костью место возведения будущего города.

Деятельность последующих российских императоров, продолживших замысел Петра, находила в новой русской литературе, возникшей одновременно и параллельно с Петербургом, лишь восторженную апологию. Только фольклор отразил чуждость города национальной культуре. Легенда о царице Авдотье — первой, брошенной жене Петра, предрекшей, якобы, «Петербургу быть пусто» — опередила аналогичные тенденции в литературе лет на сто.

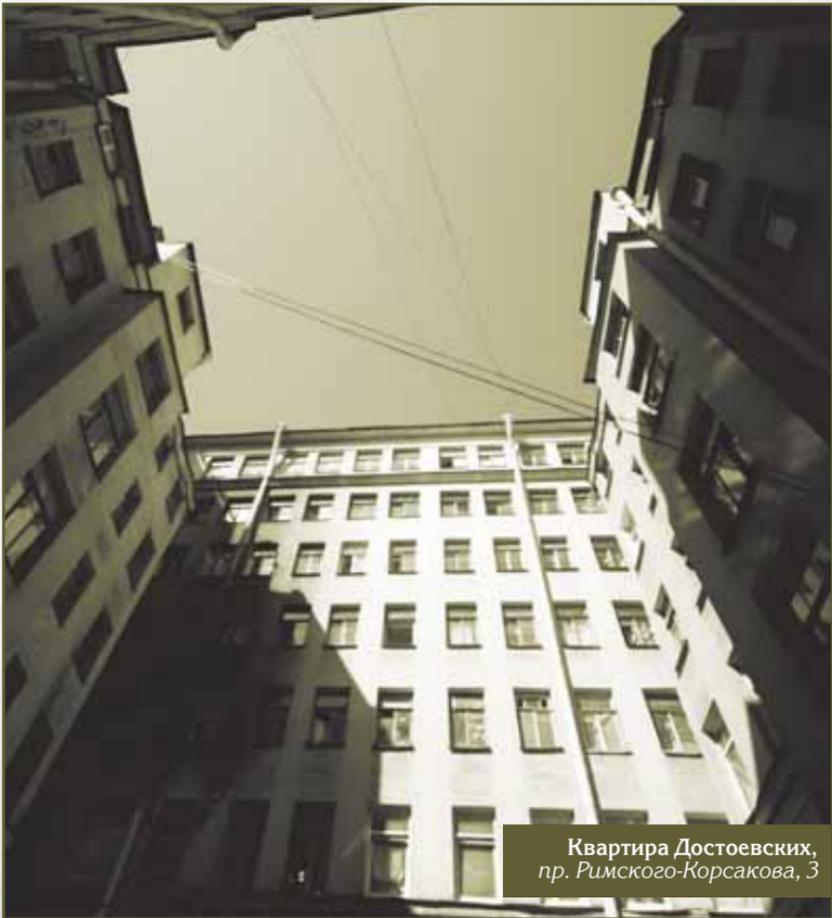
К началу XIX века «новый Рим», город блестящих архитектурных ансамблей, выразивших идею могущества страны, победившей Наполеона, был, в основном, закончен. Развившиеся в России центробежные силы постепенно уравнили центростремительные. Это заметно и в архитектуре города, и в характере его описания. Карл Росси остался последним великим архитектором города, Пушкин — последним его восторженным певцом.

С появлением «Медного всадника» и особенно «Петербургских повестей» Гоголя взгляд на Северную столицу в русской литературе стал решительно меняться. Русские последователи Шеллинга и Фихте все чаще вспоминали знаменитый афоризм Николая Карамзина о городе: «Бессмертная ошибка великого преобразователя». Славянофилы решительно противопоставляли холодному, антинациональному, искусственному Петербургу родную, круглую как бублик, растекшуюся, патриархальную матушку Москву. Петербург Достоевского воплотил этот поворот общественного сознания.

Достоевский — быть может, первый в русской литературе петербургский писатель по преимуществу. Он приехал в столицу пятнадцатилетним юношей и, исключая десятилетний период

каторги и солдатчины, провел здесь почти всю жизнь (34 года). В Петербурге происходит действие всех его важнейших произведений за исключением «Бесов» и «Братьев Карамазовых». Ни один из великих русских писателей не был так «петербургцентричен». Но русская литература не знала и такого ненавистника Северной столицы.

Исследователь и знаток Петербурга Достоевского Николай Анциферов писал: «Осуждая вместе со славянофилами петербургский период, Достоевский в новой столице видит его символ и его выражение». Ему не нравится в городе решительно все: «...архитектура всего Петербурга... выражает всю его бесхарак-



Квартира Достоевских,  
пр. Римского-Корсакова, 3

терность и безличность за все время существования... В архитектурном смысле он отражение всех архитектур в мире, всех периодов и мод; все постепенно заимствовано и все по-своему перековеркано».

Для Достоевского Петербург — «самый угрюмый город». Погода в его петербургских произведениях по преимуществу отвратительная. Или «утро гнилое, сырое и туманное», или «мутная мгла густо падающего мокрого снега», когда «пустынные фонари угрюмо мелькают в снежной мгле, как факелы на похоронах», или «холодный, темный и сырой вечер... когда у всех прохожих бледно-зеленые и больные лица», или «пропитанное ядовитыми испарениями городское лето...» Вот типичный пейзаж из «Двойника»: «На всех петербургских башнях, показывающих и бьющих часы, пробило ровно полночь... Ночь была ужасная — мокрая, туманная... Ветер выл в опустелых улицах, вздымая выше колец черную воду Фонтанки и задорно потрогивая тощие фонари набережной, которые в свою очередь вторили его завываниям...»

И те, кто имеет «несчастье обитать в Петербурге, самом отвлеченном и умышленном городе на всем земном шаре», невольно подчиняется разрушительному влиянию российской столицы. «Это город полусумасшедших. Если б у нас были науки, то медики, юристы и философы могли бы сделать над Петербургом драгоценнейшие исследования, каждый по своей специальности. Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге. Чего стоят одни климатические влияния! Между тем это административный центр всей России, и характер его должен отражаться на всем».

Персонажи Достоевского — самоубийцы, мечтатели, святые «идиоты», падшие женщины, скандалисты, люди, одержимые разнообразными маниями — живут и сталкиваются в этой чуждой человеку городской среде, где «у всякого своя угрюмая забота на лице и ни одной-то, может быть, общей, всесоединяющей мысли в этой толпе... все врознь».

Для Достоевского Петербург не только реальный город, но и таинственный фантом, декорация. В «Слабом сердце» герою Аркадию кажется, «что весь этот мир, со всеми жильцами его, сильными и слабыми, со всеми жилищами их, приютами нищих или раззолоченными палатами — отрадой сильных мира сего...

походит на фантастическую, волшебную грезу, на сон, который в свою очередь тотчас исчезнет и искуруется паром к темно-синему небу». Пройдет тридцать три года, и у героя «Подростка» задается «странная, но навязчивая греза: «А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подыметесь с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?»

Почему же мы выбрали темой нашей книги Петербург Достоевского, то есть, в некотором смысле, антигород? Прежде всего, писатель создал на страницах своих произведений воистину новую реальность. Любой следующий Петербург, будь то Петербург Блока, Белого, Ахматовой, Мандельштама или Бродского обязан считаться с этой реальностью и не может быть понят вне ее контекста.

Как все ставшее предметом искусства, Петербург Достоевского приобрел новое качество и уже в начале XX века воспринимался ностальгически. Своеобразная экспрессионистическая красота узких дворов-колодцев, плоскости брандмауеров, пестрое разнообразие эклектических доходных домов опозитизированы еще со времен знаменитых иллюстраций М. Добужинского к «Белым ночам».

Но Петербург Достоевского — это не только духовный и литературный факт, но и вполне определенная часть современного города. Любой сведущий петербуржец легко назовет вам ее местоположение и границы. Это Петербург 1840–1870-х годов, редко посещаемый сегодняшними туристами, но удивительно хорошо сохранившийся (в отличие от диккенсовского Лондона, Парижа Гюго или Москвы Толстого, разрушенных бомбардировками Второй мировой войны и строительной лихорадкой XX века).

Анна Ахматова писала:

...Но, впрочем, город мало изменился.  
Не я одна, но и другие тоже  
Заметили, что он подчас умеет  
Казаться литографией старинной,  
Не первоклассной, но вполне пристойной,  
Семидесятых, кажется, годов...

## ПЕТЕРБУРГ ПРИ ДОСТОЕВСКОМ

Петербург времени Достоевского — пятый в Европе по населению (после Лондона, Парижа, Берлина и Вены) и самый большой в России город. Вот как менялась численность населения российской столицы в годы, когда писатель здесь жил.

Год	Население	Год	Население
1837	468 625	1865	539 122
1839	471 400	1866	567 900
1840	472 800	1867	600 200
1841	474 300	1868	633 100
1842	475 700	1869	667 963
1843	477 100	1870	682 258
1844	478 500	1871	697 852
1845	480 000	1872	711 767
1846	481 100	1873	727 000
1847	482 900	1874	742 560
1848	484 300	1875	758 438
1849	485 800	1876	774 659
1860	506 600	1877	791 244
1861	513 000	1878	808 171
1862	519 000	1879	825 462
1863	525 300	1880	843 111
1864	532 300		

Легко увидеть, что, в сущности, Достоевский обитал как бы в двух разных городах. С 1837 по 1849 год, в пору юности и молодости Федора Михайловича, Петербург рос, но очень медленно: за 12 лет в нем прибавилось всего лишь 17 тысяч человек.

После того, как писатель вернулся с каторги, он оказался в совершенно другом, гораздо более динамичном Петербурге. За двадцать лет численность его населения выросла больше чем на половину — с 507 тысяч человек до 843 тысяч.

«Ни одна столица, ни один большой город Европы не представляет такого странного состава населения и такого наплыва чуждых элементов», — писал в 1868 году крупнейший русский статистик, старинный знакомый Достоевского, П. Семенов.

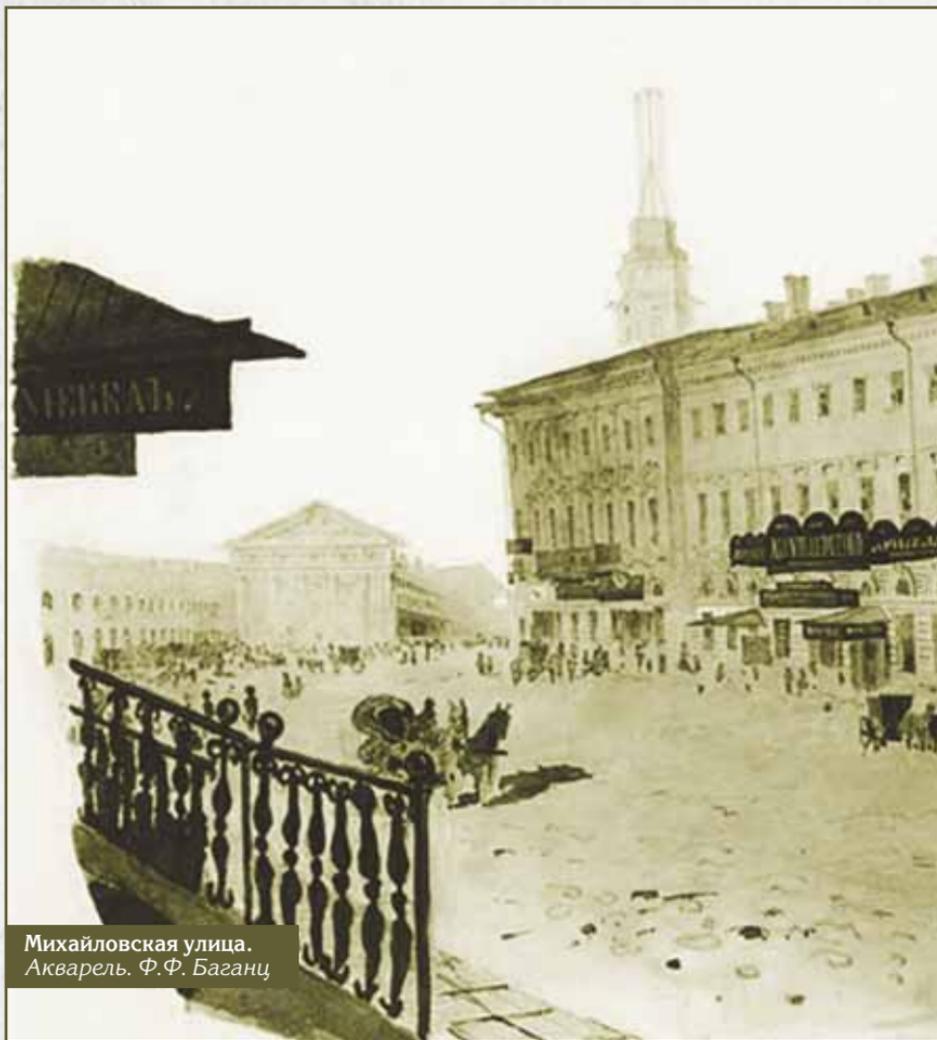
Результаты городской переписи населения 1864 года показали: 74% мужчин и 59% женщин, живших в городе, родились вне Петербурга. На 100 мужчин в городе приходилось 72 женщины. 60% взрослого населения состояло из неженатых мужчин и незамужних женщин. Только 57% мужчин и 47% женщин были грамотны. Только 2,5% составляли фабричные рабочие (6,5% — чиновники и офицеры, 0,3% — «лица, при богослужении состоящие»: священники, монахи, церковные служки, 3% — учащиеся, 5% — лица, занимавшиеся торговлей, 17% — ремесленники — больше всего извозчиков, портных и сапожников, 20,5% — прислуга, поденщики и чернорабочие, 6,1% — солдаты, 9,7% — «жены при мужьях», 18,6% — дети при родителях).

Браков в Петербурге на душу населения заключали меньше, чем в каком-либо из крупных российских или европейских городов. Мужчины женились примерно в том же возрасте, что и европейские горожане, а вот петербурженки становились женами в гораздо более юном возрасте (28% невест были моложе 20 лет, против 6% в Вене и 8% в Женеве). Рождаемость в городе была ниже, чем в любом российском городе, но выше, чем в большинстве западноевропейских.

Каждый третий родившийся ребенок — незаконнорожденный (больше, чем в Одессе, Киеве, Берлине, но меньше, чем в Москве, Вене, Париже). Смертность населения в Петербурге была значительно выше, чем в европейских столицах и крупных российских городах и ее уровень не уменьшался, а рос: каждый год умирал один из 24 горожан. В результате смертность в столице империи превысила рождаемость.

Вглядевшись в героев петербургских произведений Достоевского, мы заметим, что все эти одинокие, не имеющие корней в городе Девушкин, Мечтатель, Раскольников, Мышкин, Свидригайлов — не исключение здесь, а правило.

Петербург Достоевского — город нервный и пошлый. Впрочем, характер этой пошлости и этой нервности менялся.



Михайловская улица.  
Акварель. Ф.Ф. Баганц

## 1837—1849

Достоевский приехал в Петербург в 1837-м и жил в столице до 1849-го, затем был арестован и в 1850-м отправлен на сибирскую каторгу. Время все убыстряющейся агонии полицейского абсолютизма Николая I, его «гнилостного брожения» (как сказал Ю. Тынянов).



Петербург царствования Николая I походил на театральную декорацию, построенную для моноспектакля: актером был сам император. «Ты был не царь, а лицедей», — вспоминал о нем монархист Федор Тютчев. И действительно, жизнь императора напоминала представление, в котором весь мир, а петербуржцы в особенности, выступали в качестве зрителей или массовки.

Французский путешественник Астольф де Кюстин в своих путевых заметках писал: «В Петербурге все выглядит роскошно,

великолепно, грандиозно, но если вы станете судить по этому фасаду о жизни действительной, вас постигнет жестокое разочарование; обычно первым следствием цивилизации является облегчение условий существования; здесь, напротив, условия эти тяжелы; лукавое безразличие — вот ключ к здешней жизни».

Все, что было сценой для императора, отделялось с необычайным тщанием. Николай I, военный инженер, во всем любил строгий порядок. Этому порядку подчинялось все: и только что законченные ансамбли Карла Росси, и тщательно уложенные торцовые мостовые Невского и Большой Морской, и казармы Семенцов и Рот, и безукоризненные перестроения гвардии на Марсовом поле, и тщательно обдуманые лично Николаем Павловичем мундиры военных и гражданских служащих.

Форма была даже у дворцовых мамок-кормилиц (благо император был счастливым отцом семерых детей): «головной прибор: кокошник, окаймляющий гладко причесанные волосы и сзади стянутый бантом широкой ленты, висящей двумя концами как угодно низко. Сарафан с галунами. Рукава прошивные».

Невский проспект, по которому проезжал на дрожках царь, должен был демонстрировать весь блеск Северной столицы. Полиция внимательно следила за порядком и опрятностью прохожих, дабы взор не был ничем смущен. «Однажды император Николай встретил француза, который по неведению или пренебрегая запретом курил чистейшую гаванскую сигару, со вкусом пуская плотные колечки дыма. Николай, по обыкновению, в одиночестве совершал свою прогулку на дрожках. Он велел французу сесть рядом, привез его в Зимний дворец и ввел в курительную великих князей. „Курите здесь, сударь, — сказал он. — Это единственное место в Санкт-Петербурге, где дозволено курить“».

Невский проспект был своеобразным подиумом, по которому, от кондитерской к кондитерской, фланировала праздная, по преимуществу мужская, публика. Как писал Иван Гончаров, задача столичного франта — «пройти весь Невский проспект, не сбившись с усвоенной себе франтами иноходи, не вынув ни разу руки из заднего кармана пальто и не выронив из глаза искусно вставленной лорнетки».

Огромная государственная машина, где служилый класс играл роль винтиков и шестеренок, только казалась идеально эффективной. Достаточно того, что Россия была насквозь пронизана коррупцией. Над страной нависал морок неизбежного всеобщего крестьянского бунта. И отец Федора Достоевского, и отец Льва Толстого — оба были убиты своими крепостными. Властная вертикаль, построенная Николаем, заржавела. Отданный могущественным императором приказ чаще всего исполнялся только формально.

Отполированные правительственные трассы Петербурга не имели ничего общего с городом Акакия Акакиевича и Макара Деушкина. Города «маленьких людей» как бы и не существовало, потому что государь там не появлялся.

На этом явлении двух непересекающихся миров построен рассказ «Скверный анекдот», в котором действительный статский советник неожиданно нагрянул на свадьбу «своего подчиненного, регистратора»: «...в очень ветхом одноэтажном, но длинном деревянном доме задавался пир горой, гудели скрипки, скрипел контрабас и визгливо заливалась флейта на очень веселый кадрильный мотив. Под окнами стояла публика, больше женщины в ватных сапогах и в платках на голове; они напрягали все усилия, чтобы разглядеть что-нибудь сквозь щели ставен». Пребывание столичного чиновника в этом уездном мире заканчивается, естественно, полным конфузом.

Или мир Макара Деушкина: «Вообразите, примерно, длинный коридор, совершенно темный и нечистый. По правую его руку будет глухая стена, а по левую все двери да двери, точно номера, все так в ряд простираются. Ну, вот и нанимают эти номера, а в них по одной комнатке в каждом; живут в одной и по двое, и по трое. Порядку не спрашивайте — Ноев ковчег! Впрочем, кажется, люди хорошие, все такие образованные, ученые. Чиновник один есть (он где-то по литературной части), человек начитанный: и о Гомере, и о Брамбеусе, и о разных у них там сочинителях говорит, обо всем говорит, — умный человек! Два офицера живут и все в карты играют. Мичман живет; англичанин-учитель живет».

Официальный императорский мир почти весь сводился к «золотому треугольнику» между Невским проспектом, Невой

и Фонтанкой. Здесь — императорские и великокняжеские дворцы, министерства, особняки вельмож, посольства. Но Достоевский — человек окраины.

И сам Достоевский, и большинство его героев принадлежали к тем, кого ангlosаксы называют «low middle class» — люди, не занимающиеся физическим трудом, находящиеся на самых нижних этажах чиновничества, «умственные пролетарии». Всю свою жизнь в Петербурге Федор Михайлович провел на границе между фешенебельными кварталами центра и трущобными окраинами: зафонтанная Московская часть, район, прилежащий к рынкам Садовой улицы, Лиговка.

В 1840-е за Фонтанкой, на северном берегу Невы, все еще преобладали профессиональные поселения — полковые городки, слободы Ямская, Дворцовая, небольшая Калининская деревня, самостоятельное село Охта. Единственная каменная окраина — Коломна.

Впрочем, планировка — не деревенская: везде сетки улиц под прямым углом и дома, выходящие на красную линию. А пусто-порожные участки, огороды, выгоны прикрыты нескончаемыми заборами. Не московский живой муравейник, а петровская геометрия: регламентированная нищета.

Петербургская часть, прикрывавшая с севера стратегически важную Петропавловскую крепость, представляла собой отдельный деревянный городок, отрезанный от «Большой земли» в ледоход из-за отсутствия постоянных мостов. Тут дачи, огороды, жилища микроскопических чиновников. Здесь запрещалось частное каменное строительство на случай войны. Если бы враг атаковал город и крепость, район подлежал бы сожжению, чтобы орудия Петропавловки могли простреливать территорию вплоть до Невки. Это места такие глухие, что в «Петербургских трущобах» Всеволода Крестовского в квартале Колтовской (так называется этот район в романе) прячут от всемогущих злодеев юную девицу: здесь точно не найдут.

Коломна, где жил Михаил Петрашевский (из-за участия в его «пятницах» Достоевский угодил на каторгу) — обжитая окраина, где жили персонажи пушкинских «Домика в Коломне» и «Медного всадника», — была комической страной отставных

или просто безденежных чиновников, актеров, людей «благородных», но бедных.

Как писал в своем «Портрете» Николай Гоголь, «...тут не столица и не провинция... Сюда не заходит будущее, здесь все тишина и отставка, все, что осело от столичного движения. Сюда переезжают на житье отставные чиновники, вдовы, небогатые люди, имеющие знакомство с сенатом и потому осудившие себя здесь почти на всю жизнь; выслужившиеся кухарки, толкающиеся целый день на рынках... и, наконец, весь тот разряд людей, который можно назвать одним словом: пепельный, — людей, которые с своим платьем, лицом, волосами, глазами имеют какую-то мутную, пепельную наружность, как день, когда нет на небе ни бури, ни солнца...»

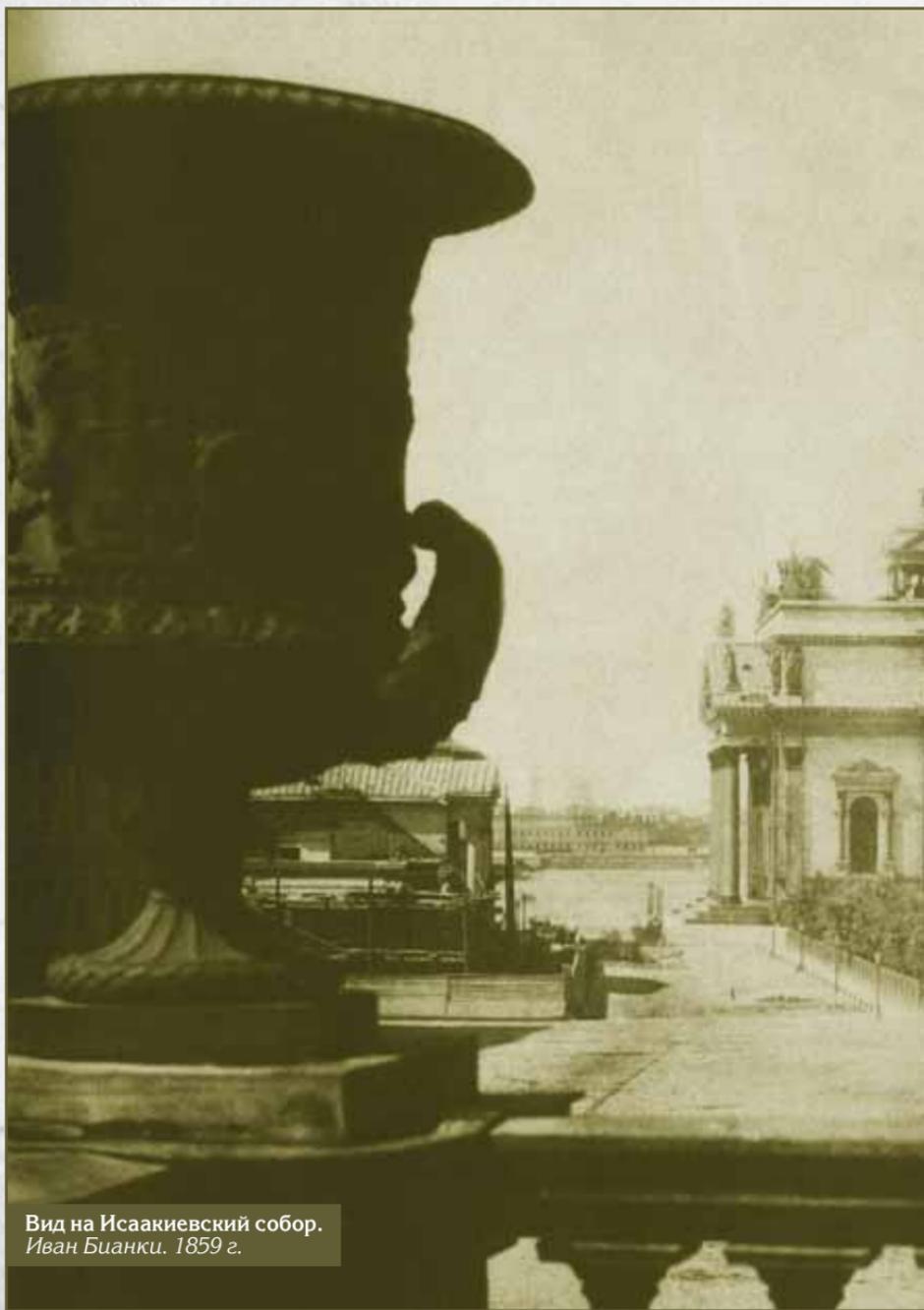
Предместьем были и Пески — район между Невой, Невским и Лиговским проспектами, по обе стороны нынешнего Суворовского проспекта (при Достоевском он назывался Слоновой улицей). Планировка здесь сохранилась с середины XVIII века, со времен слободы Канцелярии от строений. В этом районе жил герой «Идиота» чиновник Лебедев, а еще раньше Агафья Тихоновна из гоголевской «Женитьбы».

## 1859—1881

Наиболее продуктивный период творчества Достоевского пришелся на царствование Александра II (1855—1881), прошедшее между проигранной Крымской (1853—1856) и полупроигранной Русско-турецкой (1877—1878) войнами. «Век пороков и железных дорог», как определил его герой «Идиота» чиновник Лебедев.

Освобождение крестьян (19 февраля 1861 г.), восторженно встреченное обществом, имело непосредственным результатом резкое ухудшение материального положения большинства бывших крепостных и их помещиков. Выбитые из привычной деревенской жизни десятки тысяч хозяев и недавних рабов устремляются в неизвестную и неприятную столицу.

Возникает все возрастающий антагонизм отцов (помещиков, бюрократов, офицеров, священников) и детей (нигилистов, народников, народовольцев). В стране, с одной стороны — про-



Вид на Исаакиевский собор.  
Иван Бианки. 1859 г.



кламации, зовущие Русь к топору, требующие отрубить миллион дворянских голов, террор и, наконец, царубийство. С другой — взятки, пошлость, разврат, борьба за казенные подряды, чинопочитание, лицемерие.

В стихотворении «Предыстория» из цикла «Северные элегии» Ахматова воссоздает картину Петербурга 1870-х годов, времени юности своих родителей:

Россия Достоевского. Луна  
Почти на четверть скрыта колокольной.  
Торгуют кабаки, летят пролетки,  
Пятиэтажные растут громады  
В Гороховой, у Знаменья, под Смольным.  
Везде танцклассы, вывески менял,  
А рядом: «Генриетт», «Басиль», «Андре»  
И пышные гроба: «Шумилов-старший»...  
...Все разночинно, наспех, как-нибудь...  
Отцы и деды непонятны. Земли  
Заложены. И в Бадене — рулетка.

Такой же образ города в прозаических заметках Ахматовой: «Петербург Достоевского: он был с ног до головы в безвкусных вывесках — белье, корсеты, шляпы, совсем без зелени, без травы, без цветов, весь в барабанном бое... в хорошем столичном французском языке, в грандиозных похоронных процессиях...»

Императорские приемы по-прежнему поражают Европу своей роскошью. Сезон начинается в сентябре, когда император возвращается из Ливадии (сначала в Царское село или в Петергоф, потом в Зимний дворец) и заканчивается в апреле отъездом двора в Крым. «Большой свет» как законодатель вкуса переживает в сущности свой последний взлет, запечатленный в толстовской «Анне Карениной». Все большую роль играют деньги, все меньшую — титул и чин. В особняках на Миллионной и Английской набережных, рядом с великими князьями селятся нувориши, сделавшие состояние на железнодорожном строительстве и банковском деле. В деловые предприятия втягиваются министры, великие князья, чиновники... Столицу заполняют щедринские «провинциалы»: тратят выкупные деньги, стремятся сделать карьеру, дать взятку, устроить на службу сына. Распространяются судебные процессы, связанные с подделкой векселей и завеща-

ний, поджогом имущества для получения страховки. Деньги прокучивают в ресторанах (самые модные — на Большой Морской: «Борель», «Дюссо», «Пивато») и кафешантанах («Демидов сад» на Офицерской и «Орфеум» на Владимирском).

Для Достоевского «Великие реформы» — перестраивание России по западным лекалам, в которые она не укладывается. Общественное устройство — безнадежно. Он пишет об одном писателе: «печатает роман с особой претензией опровергнуть пессимистов и отыскать в нашем обществе здоровых людей и здоровое счастье. Ну и пусть его. Уже один замысел показывает дурака. Значит ничего не понимать в нашем обществе, коли так говорить».

Аристократия еще связана с литературой, это последнее десятилетие Алексея Толстого и Федора Тютчева. Но гвардейцы и великие князья больше увлечены Оффенбахом, триумфами парижской гастролерши Гортензии Шнейдер на сцене «Буффа» и Михайловским французским театром. Впрочем, успехом пользуется и балет, где царствует балетмейстер Мариус Петипа; 1870-е — время «Баядерки» и «Дон Кихота». Оперу публика предпочитает итальянскую. Хотя проходят премьеры русских «Бориса Годунова» Мусоргского и «Псковитянки» Римского-Корсакова.

«Большая политика» определяется на Балканах. Гвардия переходит горы, освобождает Болгарию и в 1878 году проходит церемониальным маршем под Московскими воротами. Обуховский (ныне — Московский) проспект переименован в Забалканский. В моде шляпки-«македонки», батальная живопись Верещагина, трактиры называют «Плевна» и «Шипка».

Молодежная контркультура десятилетия зиждется на идее «русского социализма» — народничества: предпринимаются попытки поднять крестьян на восстание ради социального равенства. Провал этой затеи ведет к индивидуальному террору, потрясшему Петербург в конце десятилетия. Вера Засулич ранит градоначальника Федора Трепова, Сергей Кравчинский убивает шефа жандармов Мезенцева, Леон Мирский стреляет в следующего шефа — Дрентельна, Александр Соловьев на Дворцовой площади пытается убить государя. «Мы говорим прямо: это сумасшедшие, и между тем у этих сумасшедших своя логика, свое

учение, свой кодекс, свой Бог даже, и так крепко засело, как крепче нельзя», — Ф. М. Достоевский.

1 марта 1881 года народовольцы убивают Александра II, на престол вступает Александр III — император строгий, бережливый, убежденный русский патриот.

Стиль города середины XIX века — эклектика, то есть отсутствие «большого стиля». Это затянувшийся промежуток между поздним классицизмом николаевского царствования и стилем модерн, который появится в 1890-х. В интерьерах особняков, обильно украшенных экзотическими растениями и увешанных полотнами в стиле парижского салона, сочетаются мавританские курительные и ванны, готические библиотеки, ренессансные кабинеты, классические бальные залы и столовые в русском стиле. Фасады «штукатурной» архитектуры включают элементы стилей всех Людовиков, пучки колонн пышного барокко, «петушиный стиль» палат времен Алексея Михайловича, «полотенца» крестьянских изб, люкарны и сложные наличники рококо.

«Сезон» в городе приходится на зиму. После Пасхи начинается постепенный разъезд аристократов и грюндеров на курорты Германии, в Париж и на Лазурный берег, в имения. Обремененные семействами чиновники снимают дачи в ближайших окрестностях: от дорогого Павловска (где живут Епанчины из «Идиота») до демократичных Колтовской или Парголова (там снимали комнаты летом братья Достоевские).

После майского парада на Марсовом поле в Красносельские лагеря уходит гвардия, двор перебирается в Петергоф. Легко доставшиеся «бешеные» деньги так же быстро спускаются в «загородных садах» — ресторанах на открытом воздухе — под шансонетки Оффенбаха и цыганские хоры. В многочисленных танцклассках царствует канкан. Петербург наводнен кокотками со всей Европы, и в белые ночи на Острова, в тамошние модные рестораны, летят тройки лихачей.

В Петербурге остаются ремесленники, бедняки — те, кому, как героям «Преступления и наказания», ехать некуда. В это время десятки тысяч объединенных в артели и одиночных рабочих: каменщиков, плотников, столяров, штукатуров, мостовщиков — выходят на Знаменскую площадь (ныне — площадь Восстания) себаркадера Николаевского (ныне — Московского), Варшавского

и Петергофского (переименованного в Балтийский) вокзалов. Начинается время строительства домов и исправления мостовых. «...Петербург превращается в огромную мастерскую, заботливо поправляющую свою физиономию... все покойно киснувшие в продолжение зимы источники вони и удушливых испарений наполняют город и заставляют всех сколько-нибудь состоятельных обитателей столицы выезжать в ее окрестности с единственной целью скрыться от растревоженной духоты, а вследствие того и от заразы», — писал тогдашний газетный репортер. В этой пропитанной миазмами атмосфере летнего Петербурга существуют герои «Белых ночей», «Идиота», «Преступления и наказания».

А осенью снова съезжаются в город его постоянные обитатели, ломовые извозчики перевозят на новые квартиры мебель. Начинаются представления в театрах, кишат по двадцатым числам (день получения жалования чиновниками) посетителями трактиры и кафе-рестораны. Роскошные кареты дефилируют по Большой Морской, а Невский заполняется публикой самого разного рода.

Для Достоевского осень — «самое интересное во всех отношениях время... особенно если не очень ненастна. Осенью закипает новая жизнь на весь год, начинаются новые предприятия, приезжают новые люди, являются новые литературные произведения».

Петербургская культура этого времени литературоцентрична. Как писал Н. Некрасов: «В столице шум, гремят витии, кипит словесная война...»

Журнал в тогдашней России — суррогат политической партии. Главные толстые журналы выходят в столице: левые «Современник», а потом «Отечественные записки» Н. Некрасова и М. Салтыкова-Щедрина (11 тысяч подписчиков в 1881 году), «Русское слово», «Дело», респектабельный либеральный «Вестник Европы», славянофильские «Время», «Эпоха» и правый «Гражданин». В 1860–1870-е годы быстро набирают тиражи газеты. Особенно популярны западнический «Голос», ненавидимый Достоевским; националистическое «Новое время», издававшееся гениальным газетным дельцом А. Сувориным; бульварный «Петербургский листок». Ни Москва, ни тем более провинция не

могут конкурировать со столицей по количеству наименований и тиражам периодических изданий.

Хотя «золотым веком» русской литературы принято считать пушкинское время, для русской прозы 1840-е — 1870-е годы — величайший, уже больше никогда не повторявшийся в такой степени подъем. Большая часть наших домашних библиотек заполнена романами, повестями и рассказами, написанными в это время. В 1840-е уже на вершине славы Николай Гоголь и Виссарион Белинский, дебютируют и сразу становятся знаменитыми Иван Тургенев, Николай Некрасов, Иван Гончаров, Александр Островский, Михаил Салтыков-Щедрин, Лев Толстой и Федор Достоевский.

В 1850-е годы к этой «могучей кучке» добавляются Николай Лесков, Алексей Константинович Толстой, Николай Чернышевский. И все: до Всеволода Гаршина, Владимира Короленко и Антона Чехова, которые станут по-настоящему известны уже после смерти Достоевского, список закрыт.

Писатели занимают в общественном восприятии роль пророков, идеологов, вождей политических партий. В русской литературе, как никогда до того, много одновременно активно работающих «властителей дум».

Все они (за исключением Льва Толстого и Александра Островского) живут в Петербурге (хотя, заметим, никто здесь не родился). И для всех без исключения этот город — бездушен, жесток, суетлив и поверхностен. Такой он и в «Шинели» Гоголя, и в «Обыкновенной истории» Гончарова, и в «Дневнике провинциала в Петербурге» Салтыкова-Щедрина, и в «Анне Карениной» Толстого. Поэтому Петербург Достоевского — это и мегаполис, созданный современными ему писателями.

Петербург Достоевского — это собственно не один, а два города: столица Российской империи между 1837 и 1881 годом, когда здесь жил писатель, и город, созданный его воображением, где жили его герои.

Одна из особенностей творчества Достоевского — необычайно точная топографическая приуроченность его романов. В литературоведении на этот счет существуют разные точки зрения, но большинство исследователей полагают, что писатель действительно мысленно расселял героев по конкретным зданиям, отправлял их в бесконечные блуждания по вполне определен-

ным, реально существующим улицам. С этим обстоятельством связаны определенные трудности: вооружившись нашим путеводителем, вы все время вынуждены будете совершать мысленные переходы из одного плана — вымышленного, в другой — реально-исторический, и дома Раскольников и Достоевского будут соседствовать.

Путеводитель состоит из пяти маршрутов, рассчитанных каждый примерно на двух-, трехчасовую пешеходную экскурсию (без учета времени на попутное посещение музеев).

**Первая экскурсия** охватывает центр города и рассказывает о Петербурге времен Достоевского как об административной, военной и культурной столице России, так сказать о Достоевском на фоне русской истории его времени. Она предусматривает осмотр панорамы города с колоннады Исаакиевского собора и посещение музея-квартиры Пушкина, вне творчества и биографии которого трудно понять биографию и творчество Достоевского.

**Второй маршрут** посвящен в основном Петербургу 1840-х годов — времени ученичества и литературного дебюта Достоевского. Он проходит вдоль Фонтанки и заканчивается осмотром Петропавловской крепости.

**Третий маршрут** — Петербург 1860-х годов и топография «Преступления и наказания». Это район Сенной площади.

Следующий, **четвертый маршрут** — середина 1870-х годов — 1881 год. Время, когда Достоевский наконец достиг настоящей славы. Супруги Достоевские живут в основном за Фонтанкой, сменив шесть квартир.

Наконец, последний, **пятый маршрут** посвящен музею-квартире Достоевского и месту его захоронения.

В экскурсии практически не затрагиваются здания и достопримечательности города, появившиеся после смерти Достоевского. Они упоминаются только постольку, поскольку связаны с творчеством писателя и его восприятием потомками. Понятно, что маршруты невозможно было построить в строгой хронологической последовательности. Для того чтобы легче ориентироваться в основных датах жизни и творчества писателя и в его петербургских адресах, далее приложена хронологическая таблица.

**1821, 30 октября**

В Москве в здании Мариинской больницы у штаб-лекаря Михаила Андреевича Достоевского родился второй сын Федор. Дети М. А. Достоевского: Михаил (1820–1864), Федор (1821–1881), Варвара (1822–1893), Андрей (1825–1897), Вера (1829–1896), Николай (1831–1883), Александра (1836–1889).

**1831, лето**

М. А. Достоевский приобретает в Каширском уезде Тульской губернии сельцо Даровое, и здесь семья Достоевских проводит летние месяцы.

**1834, осень**

Федор Достоевский и его старший брат Михаил поступают в московский пансион Л. Чермака.

**1837, 27 февраля**

Смерть матери, Марии Федоровны, урожденной Нечаевой (родилась в 1800-м, вышла замуж в 1819-м).

**1837, май**

Переезд с братом Михаилом в Петербург для поступления в Инженерное училище.

**1837, май — декабрь**

Пребывание в пансионе К. Костомарова (Лиговский проспект, участок дома № 65, дом не сохранился) для подготовки к экзаменам в Инженерное училище.

**1838, 16 января**

Поступление в Инженерное училище (Садовая улица, 2. Инженерный замок).

**1839, 8 июня**

Смерть отца, Михаила Андреевича (родился в 1786-м).

**1841, 5 августа**

Производство в офицеры. Живет на Караванной улице близ Михайловского манежа (точный адрес неизвестен).

**1842, весна**

Живет на Владимирском проспекте в доме К. Пряничникова (Владимирский проспект, 11).

**1843, 12 августа**

Окончание курса Инженерного училища и зачисление в петербургскую инженерную команду, в чертежную инженерного департамента.

**1843, декабрь**

Достоевский переводит «Евгению Гранде» Оноре де Бальзака (напечатано в журнале «Репертуар и пантеон», 1844).

**1844, 19 октября**

Уходит в отставку.

**1844, декабрь**

Начинает писать повесть «Бедные люди».

**1845, март**

Окончены «Бедные люди».

**1845, май**

«Бедные люди» читают Некрасов и Белинский.  
Знакомство с ними Достоевского.

**1845, лето**

Работа над повестью «Двойник».

**1846, 15 января**

Вышел в свет «Петербургский сборник»,  
где напечатаны «Бедные люди».

**1846, 1 февраля**

Вышел в свет номер «Отечественных записок» с «Двойником».

**1846, начало года**

Живет в Кузнечном переулке, в доме У. Кучиной  
(ныне д. 5, частично перестроен).

**1846, весна**

Знакомство с М. Петрашевским.  
Живет в Кирпичном переулке  
между Большой и Малой Морскими.

**1846, сентябрь**

Переезжает на большую Мещанскую улицу  
в дом В. Кохендорфа (ныне — Казанская, 2).

**1846, октябрь**

Пишет повести «Хозяйка» и «Неточка Незванова».

**1846, ноябрь**

Поселется вместе с братьями Алексеем и Николаем  
Бекетовыми на Васильевском острове в доме В. Солошича  
(Большой проспект, 4, дом надстроен 4-м этажом).

**1847, февраль**

Начинает посещать кружок Петрашевского.

**1847, весна**

Переезжает в дом Я. Шиля на Вознесенский проспект (Вознесенский, 8).

**1847, октябрь — декабрь**

Выход в свет «Отечественных записок» с «Хозяйкой». Повесть вызывает отрицательные отзывы критиков.

**1848, декабрь**

В «Отечественных записках» опубликованы «Белые ночи».

**1849 январь — февраль**

Выход в свет «Отечественных записок» с повестью «Неточка Незванова».

**1849, 23 апреля**

Арест Ф. Достоевского.

**1849, 1 мая**

Выход в свет «Отечественных записок» с последними главами «Неточки Незвановой», без подписи автора.

**1849, 16 ноября**

Приговорен судом к смертной казни.

**1849, 22 декабря**

Приготовления к смертной казни на Семеновском плацу. Отмена казни и объявление окончательного приговора: 4 года каторги и затем разжалование в солдаты.

**1850, 23 января**

Доставлен на каторгу в Омск.

**1854, зима**

Выход с каторги.

**1854, 2 марта**

Зачислен рядовым в Семипалатинск.

**1856, 1 октября**

Произведен в прапорщики.

**1857, 6 февраля**

Женитьба на Марии Дмитриевне Исаевой (урожденная Констант, родилась в 1824 году).

**1859, 18 марта**

Выход в отставку.

**1859, март**

В «Русском слове» напечатан «Дядюшкин сон».